

Ф. Я. ПРИЙМА

ЛОМОНОСОВ И «ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ» ВОЛЬТЕРА

«История Российской империи при Петре Великом» Вольтера уже не однажды привлекала к себе внимание исследователей. Перечень работ, частично или специально посвященных этому труду прославленного французского писателя-просветителя, насчитывает к настоящему времени не один десяток названий.¹ Тем не менее нельзя сказать, что «История Российской империи при Петре Великом» более или менее обстоятельно изучена. Самого серьезного изучения по-прежнему заслуживает, на наш взгляд, история написания книги. В дополнительном изучении нуждается, в частности, также вопрос о характере и степени участия М. В. Ломоносова в создании названного труда Вольтера, вопрос, который уже рассматривался в работах Е. Ф. Шмурло и А. И. Андреева.

Выяснению этого вопроса главным образом и посвящается настоящая статья.

Свой труд по истории России Вольтер создавал по заданию русского правительства, заинтересованного, разумеется, не

¹ Ниже перечисляются наиболее важные из этих исследований: Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства, вып. I. СПб., 1912, стр. 49—60 перв. пагин. и стр. 70—80 втор. пагин.; E. F. Smurlo. Voltaire et son oeuvre «Histoire de l'Empire de Russie sous Pièrè le Grand». Prague, 1929; Н. С. Платонова. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом». «Литературное наследство», т. 33—34, 1939, стр. 1—24; А. И. Андреев. Ломоносов и Крашенинников. Сб. «Ломоносов», вып. 1, под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, М.—Л., 1940, стр. 294—296, 301; А. И. Андреев. Неизвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России. Там же, стр. 297—301; А. И. Андреев. Труды Ломоносова по географии России. Там же, вып. 2, 1946, стр. 130—143; К. Н. Державин. Вольтер. 1946, стр. 185, 196—206, 346; М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. Сб. «Вольтер. Статьи и материалы», Изд. ЛГУ, 1947, стр. 14—25

только в том, чтобы автором истории Петра I выступил всеевропейски-известный писатель, но и в том, чтобы труд этот был написан в благожелательном по отношению к России направлении. Посредник в сношениях русского правительства с Вольтером, И. И. Шувалов, будучи весьма высокого мнения об исторических изысканиях и поэтическом творчестве Ломоносова, склонен был, разумеется, предоставить ему самые широкие возможности как для оказания помощи Вольтеру, так и для того, чтобы воздействовать на Вольтера в желательном духе.

К трудам иностранных авторов, писавших о России, Ломоносов относился с законным недоверием, так как в них, как правило, излагались самые предвзятые мнения о русском народе, его культуре и истории. «Немало имеем свидетельств, — писал Ломоносов, — что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели. Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою».² С чувством известного недоверия отнесся Ломоносов и к замыслу русских правительственных кругов поручить написание русской истории Вольтеру. Считаюсь, однако, с уже совершившимся фактом, Ломоносов включился в работу по сбору и редактированию материалов, предназначенных для Вольтера. До нас не дошло написанное летом 1757 года письмо к Ломоносову И. И. Шувалова, в котором, как следует полагать, помимо сообщения о поручении Вольтеру работы по истории Петра Великого, содержалось также и обращенное к Ломоносову приглашение принять участие в разработке материалов, необходимых французскому писателю. Ответное письмо от 2 сентября 1757 года, равно как и другие письма Ломоносова к тому же адресату, свидетельствуют об исключительной заинтересованности их автора в снабжении Вольтера материалами по истории России. «У меня, — писал Ломоносов И. И. Шувалову, — сколько есть записок о трудах великого нашего монарха, все для сего предприятия готовы».³

Предлагая свой план для работы Вольтера, Ломоносов предвидел и возникавшие в связи с этим трудности, в частности, — связанные с необходимостью перевода отобранных материалов на французский язык. Работа канцелярии И. И. Шувалова не отличалась оперативностью. Так, например, французский перевод «Слова похвального... Петру Великому» Ломоносова был

² М. В. Ломоносов, Полн собр соч, т. VI, Изд. АН СССР, т. VI, М.—Л., 1952, стр. 170.

³ М. В. Ломоносов, Сочинения, т. VIII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 197.

издан в Петербурге только в июле 1759 года и только в сентябре этого года попал в руки Вольтера, хотя еще 2 сентября 1757 года Ломоносов писал Шувалову о необходимости срочного изготовления этого перевода. Между тем, приступив летом 1757 года к написанию «Истории России при Петре Великом», Вольтер работал с таким увлечением и быстротой, что уже в августе 1757 года прислал в Петербург первые восемь глав своей книги. Труд Вольтера носил на себе, тем не менее, явные признаки того крайне ограниченного представления о России, русском народе и его культуре, которое было свойственно почти всем иностранным авторам, писавшим на русскую тему, и которое преодолеть в своем труде — при всем желании достигнуть этого — Вольтер не смог. Письма Вольтера, относящиеся к периоду его работы над историей Петра I (1757—1763) полны жалоб на слабое поступление архивных материалов из России, в которых нетрудно услышать признание автора в слабом знакомстве с избранной темой. Особенно характерно в этом отношении письмо Вольтера к Б. М. Салтыкову, написанное не ранее июня 1759 года (точной даты это письмо не имеет). Спрашивая адресата, как правильно транскрибируется слово раскольники (Kalkonistky, ou Ratzoniski, ou Ralkoniky, ou Roskolchiqui), Вольтер даже не пытается скрыть своего раздражения (ср. т. 40, стр. 115).⁴

Присланные на одобрение И. И. Шувалову восемь глав «Истории Российской империи при Петре Великом» ни с какой стороны не могли удовлетворить Ломоносова, насколько можно судить об этом по составленным им «Примечаниям» на рукопись Вольтера.⁵

Ломоносов увидел в труде Вольтера и умаление значения Петра I, и переоценку роли Лефорта и иностранных генералов, и обильное количество фактических ошибок и неточностей, включая в них и такие, как, например, неправильное написание «российских имен».

Нам не известно, в каком виде были отправлены Вольтеру замечания Ломоносова на рукопись первых восьми глав его труда. Вероятнее всего, замечания Ломоносова были объединены Шуваловым с замечаниями других членов Петербургской Академии наук на эту же рукопись и в таком отредактированном и обобщенном виде отправлены Вольтеру. Нам известно,

⁴ Как здесь, так и ниже в скобках дается указание на том и страницу редактированных Л. Моланом «Oeuvres complètes de Voltaire» (1—52), Garnier frères, libraires-éditeurs, Paris (1877—1885).

⁵ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, 1952, стр. 89—96.

однако, что некоторые замечания Ломоносова были учтены автором «Истории Российской империи при Петре Великом».⁶

В подготовительных рукописных материалах к «Истории Российской империи при Петре Великом», хранящихся в Библиотеке Вольтера, находится несколько обособленных друг от друга документов, состоящих из полученных Вольтером из России замечаний как на первые восемь глав, так и на всю первую часть его труда.⁷ Авторы всех этих документов не обозначены, и это, вероятно, не простая случайность: известно, что некоторые из полученных Вольтером замечаний вызывали у него необычайно острую отрицательную реакцию. Отсюда не следует, однако, что И. И. Шувалов тщательно скрывал от Вольтера имена тех членов Петербургской Академии наук, которые принимали посильное участие в написании труда Вольтера.

До нас, к сожалению, дошла только ничтожная часть писем И. И. Шувалова к Вольтеру, и поэтому трудно судить о том, насколько подробно освещалась в них работа русских ученых, занятых подготовкой материалов к «Истории Российской империи при Петре Великом».⁸

Летом 1759 года в числе других материалов Шуваловым был послан Вольтеру французский перевод «Слова похвального Петру Великому» Ломоносова. Как известно, Ломоносов твердо рассчитывал на то, что ощущавший большую потребность в материалах Вольтер «сочиненный мною панегирик <т. е. «Слово похвальное», — Ф. П.» не без пользы употребляет может».⁹ Это желание Ломоносова, вероятно, было передано Шуваловым по назначению. Несомненно, произведение русского поэта и ученого было прочитано Вольтером. На экземпляре перевода «Похвального слова» Ломоносова, хранящегося в библиотеке Вольтера, имеется рукописная пометка.¹⁰

⁶ Там же, стр. 563—568

⁷ ГПБ, Библиотека Вольтера, № 242, т. 1, лл. 325—390. Названные выше подготовительные материалы, хранящиеся в Библиотеке Вольтера под шифром № 242, состоят из пяти объемистых томов

⁸ Известно всего лишь четыре письма И. И. Шувалова к Вольтеру, из которых три опубликованы в «Литературном наследстве» (т. 29—30, 1937, стр. 159—161; т. 33—34, 1939, стр. 1—24). Четвертое, неопубликованное письмо (от 19 ноября 1760 года) хранится в «Собрании автографов» ГПБ (папка: «И. И. Шувалов»). Перевод названного письма см. в приложении к настоящей статье.

⁹ М. В. Ломоносов, Сочинения. Изд. АН СССР, М.—Л., т. VIII, 1948, стр. 196—197.

¹⁰ См.: Panégyrique de Pierre le Grand, prononcé dans la séance publique de l'Académie Impériale des Sciences le 26 avril 1755, par M. Lomonosow, Conseiller et Professeur de cette Académie et traduit sur l'original Rusien

В своем письме к И. И. Шувалову от 18 сентября 1759 г. Вольтер писал: «Я получил Панегирик Петру Великому, который, ваше сиятельство, соблаговолили мне прислать. Вполне справедливо то, что член вашей Академии возносит похвалы этому императору. По этой же причине люди обязаны петь хвалу богу, ибо непременно надлежит хвалить того, кто нас создал. В этом панегирике действительно есть красноречие. Я вижу, что ваш народ скоро начнет отличаться своей литературой в такой же степени, как и оружием; но этому он будет обязан прежде всего вам, милостивый государь. Что касается меня, то я вам обязан за получение от вас записок, более поучительных, нежели панегирик. То, что является только похвалой, часто может служить только для оценки способностей автора. Уже одно название заставляет насторожиться читателя; только одни исторические истины могут заставить рассудок верить и восхищаться. Наилучший панегирик Петру Великому, по моему мнению, — его камер-фурьерский журнал, в котором он всегда виден занятым мирными искусствами среди войны, пробегающим из края в край своей страны в качестве законодателя, защищая ее в то же время от Карла XII. Я всегда жду от вас новых записок с неударжимым рвением, которое вы мне внушили» (т. 40, стр. 174—175).

Никакого комментария приведенное письмо Вольтера в нашей литературе не получило, а между тем смысл его нельзя уяснить посредством простого прочтения.

И желание Вольтера подчеркнуть, что ему в своей работе нет особенной необходимости обращаться к «Слову похвальному» Ломоносова, и отсутствие в приведенном письме даже простого упоминания имени русского писателя и ученого нельзя назвать случайностью. Вольтер, конечно, хорошо понимал, что «Слово похвальное» Ломоносова не отменяло значения камер-фурьерского журнала, что «Слово» принадлежало к разряду произведений художественных, написанных согласно требованиям и правилам избранного жанра. Жанр похвального слова был широко распространен в современной Вольтеру француз-

par M. le Baron de Tschoudy, St.-Petersbourg, 1759. ГПБ, Библиотека Вольтера, № 242, т. III, лл. 258—278. На последней, 42 странице (л. 278 об.) «Панегирика», после слов «слезы, которые проливали две сестры, две дочери Петра, разлучаясь» поставлен крестик и на полях написано: «Da bord après la mort de Pierre le Grand sa fille la Princesse Anna fut envoyée en Holstein» («Сперва после смерти Петра Великого дочь его царица Анна была отправлена в Голштинию»). Текст этот зачеркнут и вместо него написано: «Après la mort de Pierre le Grand et de l'Imperatrice Catherine sa fille la Princesse Anna fut envoyée en Holstein» («После смерти Петра Великого и императрицы Екатерины дочь его царица Анна была отправлена в Голштинию»).

ской литературе. Хорошо известный Вольтеру французский писатель Антуан-Леонар Тома (1732—1785) посвятил в 1773 году этому жанру специальное исследование «Опыт о похвальных словах», в котором, кстати сказать, дал исключительно высокую и восторженную оценку «Слову похвальному» Ломоносова.¹¹ К жанру и стилистическим приемам похвального слова неоднократно прибегал в своей литературной деятельности и сам Вольтер. Достоинно внимания также и то, что, получив в 1771 году от кн. Е. Р. Дашковой экземпляр похвального слова Петру I, произнесенного по случаю Чесменской битвы тверским архиепископом Платоном, Вольтер писал Екатерине II в своем письме от 15 мая 1771 года: «Сие слово, обращенное к основателю Петербурга и вашего флота является, на мой взгляд, одним из замечательнейших в мире памятников. Я полагаю, что никогда ни один автор не имел столь счастливой темы для своего „Слова“, не исключая и греческого Платона» (т. 47, стр. 431—432). Сравнение русского архимандрита с древнегреческим философом («Архимандрит по имени Платон, столь же красноречивый, как и афинянин») Вольтер не забыл повторить также и в своем письме к А. Л. Тома от 14 июня 1771 года (т. 47, стр. 450).

Неоднократно высказывал Вольтер свое восхищение также историческими познаниями и красноречием И. И. Шувалова, называя при этом себя «секретарем» последнего (ср. т. 39, стр. 470; т. 40, стр. 359). В свете этих фактов трудно понять, почему «Слово похвальное» Ломоносова получило столь сдержанную, более того — уклончивую и двусмысленную оценку Вольтера.

Следует думать, что Вольтеру стало известно желание Ломоносова оказать своим «Словом похвальным» воздействие на общее направление и план «Истории России при Петре Великом». Это желание Вольтер мог оценить как посягательство на свою авторскую самостоятельность, как претензию члена Петербургской академии на соавторство с ним, Вольтером. Только уязвленное авторское самолюбие Вольтера могло, на наш взгляд, продиктовать ему письмо к И. И. Шувалову от 18 сентября 1759 года, в содержании и самом тоне которого Вольтер явно отступал от этикета, соблюдавшегося им по отношению к всеильному русскому вельможе.

Оценка «Слова похвального» Ломоносова, данная Вольтером, является, может быть, первым, но отнюдь не заключитель-

¹¹ Essai sur les éloges, par Thomas, de l'Académie Française, t. II. Paris, 1804, стр. 281—282.

ным звеном в истории своеобразного «общения» этих двух крупнейших представителей просветительной мысли XVIII века. Возникнув однажды, интерес Вольтера к Ломоносову не мог исчезнуть бесследно.

В перечисленных выше работах А. И. Андреева были установлены новые факты, свидетельствующие об огромной заинтересованности Ломоносова в подборе, редактировании, а отчасти и написании различных «экстрактов» и других материалов, предназначенных для «Истории России при Петре Великом». Отправленные Вольтеру и частично им использованные «Описание стрелецких бунтов», «Описание Камчатки», «Описание России» были подготовлены и написаны при самом непосредственном участии Ломоносова.

Когда в начале 1760 года Вольтером был послан в Россию пробный экземпляр первого тома «Истории Российской империи при Петре Великом», Ломоносов написал на него свои замечания, ставившие целью повысить научный уровень книги.¹²

Е. Ф. Шмурло и А. И. Андреевым, как выясняется, были установлены далеко не все материалы, которые через И. И. Шувалова Ломоносов посылал автору «Истории Российской империи при Петре Великом». Так, например, в начале 1760 года Ломоносов отправил Вольтеру французский перевод своего «Краткого летописца», о чем более подробно будет сказано несколько ниже.

Огромное, поистине самоотверженное участие, проявляемое Ломоносовым в деле снабжения Вольтера необходимыми ему материалами, должно было привлечь к себе внимание последнего. Возникновению и развитию этого внимания не могли не способствовать также и непрекращавшиеся связи Вольтера с русскими людьми. Здесь следует упомянуть прежде всего Бориса Михайловича Салтыкова (1723—1808), отправленного в мае 1759 года в Женеву в качестве специального посредника в сношениях И. И. Шувалова с Вольтером. В существующей литературе, к сожалению, нельзя найти сколько-нибудь обстоятельных сведений о Б. М. Салтыкове,¹³ хотя деятельность этого человека для историка русской литературы представляет несомненный интерес. Воспитанник дворянской гимназии, основанной при Московском университете, Б. М. Салтыков был

¹² М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 359—364 и 592—594.

¹³ См.: «Библиографические записки», 1861, т. 3, стлб. 71, 78—80; «Русский архив», 1879, № 12, стр. 418—419; Л. Б. Модзалевский. Собеседник Вольтера Б. М. Салтыков и два его новых письма 1760—1761 гг. Сб. «Вольтер. Статьи и материалы», стр. 174—184.

одним из ранних представителей русского «вольнодумства» XVIII века. Он имел самое непосредственное отношение также и к русской литературе своего времени. Отметим здесь один не упоминавшийся в литературе факт: приблизительно в период своего пребывания в Женеве, Б. М. Салтыков был занят переводом на русский язык анонимного французского романа «Амуры графа де Суассона и герцогини делья Бефф». Рукопись названного перевода хранится в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде.¹⁴ Не только с Вольтером, но и со многими парижскими писателями у Б. М. Салтыкова, как следует полагать, были хорошие связи. В своем письме к И. И. Шувалову от 1 июня 1760 года А. Р. Воронцов писал о Б. М. Салтыкове следующее: «Г-н Салтыков не испортил репутации, которую он завоевал себе по справедливости. Многие литераторы (*gens de lettres*) рассказывали мне о нем неоднократно в Париже, и всегда с похвалой, которую он заслужил. Это человек большого ума и прилежания, он делает честь Московской императорской академии и выбору вашего превосходительства».¹⁵

Из переписки Вольтера мы узнаем, что Б. М. Салтыков поддерживал близкие связи с фернейским отшельником, часто посещал его и подолгу беседовал с ним. В этих беседах должны были с неизбежностью затрагиваться вопросы, связанные с состоянием русской культуры и литературы. Сам Салтыков в письме к И. И. Шувалову от 11/22 июля 1760 года из Женевы писал: «Он <Вольтер> всегда питает наилучшие чувства к особе покровителя российских муз (это его манера выражения)»¹⁶ О повышенном интересе Вольтера к «российским музам», т. е. русской науке, культуре и литературе, мы находим многочисленные свидетельства в его сочинениях и переписке

В письме к И. И. Шувалову от 1 апреля 1760 года Вольтер с восхищением отзывался о двух русских путешественниках, друзьях Б. М. Салтыкова, гостивших в Фернее несколько дней: «Они говорят на моем языке в такой же мере правильно, в какой вы на нем пишете. Я еще не видел среди ваших соотечественников таких, которые не убеждали бы меня в достоинствах вашего народа» (т. 40, стр. 342). Нам не известны имена этих путешественников, однако не исключена возможность, что одним из них был молодой А. Р. Воронцов. О том, что А. Р. Воронцов был частым гостем Вольтера в этом году, мы узнаем из

¹⁴ Отдел рукописей ГПБ Q. XV 124. Рукопись на 154 лл. На рукописи рукою переписчика поставлена дата «20 мая 1760 г.».

¹⁵ П. А. Вяземский Фонвизин СПб, 1848, стр. 305

¹⁶ Там же, стр. 305.

письма французского просветителя к И. И. Шувалову от 7 июня 1760 года, в котором Вольтер писал: «Молодой г. Воронцов сделал мне честь своими многократными посещениями моего убежища и укрепил мое рвение по отношению к вашей стране. Все молодые люди, состоящие при вашем дворе, которых я видел, кажутся намного старше своего возраста; но г. Воронцов возвышается, как мне кажется, над нами всеми» (т. 40, стр. 412). Важно отметить, что А. Р. Воронцов принадлежал к числу почитателей Ломоносова и стремился всеми доступными средствами пропагандировать труды великого русского ученого и писателя за границей. Так, например, в неопубликованном письме к Я. Я. Штелину, написанном в Париже 10/21 июня 1760 года, А. Р. Воронцов писал: «Г-н Павлов передал мне, милостивый государь, по моем прибытии сюда письмо, которое вы соблаговолили мне написать, вместе с одой г. Ломоносова, за которую я вам весьма признателен. Она, конечно, разрушает представление о том, что поэзия не может развиваться в соседстве с северными людьми. Если здесь когда-либо сомневались в хорошем состоянии петербургских муз, то вот, может быть, случай, благодаря которому наша литература станет известна за границей».¹⁷

Заметим здесь же, что и в другом своем письме к Я. Я. Штелину из Вены (от 27 августа—7 сентября 1761 года А. Р. Воронцов также благодарил адресата за присылку какого-то научного труда Ломоносова («observations de M. Lomonossow»)).¹⁸

Если А. Р. Воронцов с таким рвением стремился на примере Ломоносова рассеять предубеждения иностранцев в отношении возможностей развития русской науки и литературы, то естественно будет предполагать, что в роли пропагандиста научных и поэтических трудов Ломоносова должен был выступить А. Р. Воронцов прежде всего перед Вольтером.

Можно было бы привести немало примеров того, что начиная с середины XVIII века возможность появления на Западе русских путешественников, пропагандировавших Ломоносова становилась все более и более реальной. Ярким подтверждением этому является, в частности, и «Письмо русского вельможи к ***», напечатанное в 1760 году в одном из парижских журналов и содержащее в себе довольно обстоятельный очерк творчества двух русских писателей, Ломоносова и Сумарокова.¹⁹

¹⁷ Отдел рукописей ГПБ, Архив Я. Я. Штелина, № 409.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: П. Н. Берков. О «Письме молодого русского вельможи». Сб. «XVIII век», вып. 1, 1935, стр. 351—366.

Особенно участвовавшие, начиная с 1759 года, встречи Вольтера с русскими людьми, многочисленные беседы знаменитого французского просветителя на русские темы, и в частности на тему о Ломоносове, и послужили, как мне кажется, основой для написания Вольтером в мае 1760 года стихотворного памфлета под названием «Русский в Париже». Это произведение рельефно отразило то представление о русской культуре и ее деятелях, которое сложилось у французского писателя в связи с его работой над историей России и вызванными этой работой многообразными, личными и письменными, общениями Вольтера с русскими людьми. Сатирический памфлет Вольтера носил подзаголовок: «Маленькая поэма в александрийских стихах, составленная в Париже, в мае месяце 1760 года Иваном Алетовым, секретарем русского посольства» (т. 10, стр. 119). Скрываясь под вымышленным именем русского писателя Алетова, Вольтер разоблачал и беспощадно высмеивал в памфлете своих идейных противников, представителей воинствующего католицизма и клерикальной реакции, Лефрана де Помпийяна и его единомышленников. Поэма «Русский в Париже» была написана в виде диалога между парижанином и русским путешественником, прибывшим в Париж с намерением приобщиться к сокровищам французской культуры. Наделенный трезвым и критическим умом, русский путешественник сразу же убеждается в том, что ему нечего делать в Париже: культура великого народа померкла от засилья ханжей и иезуитов; свободная мысль преследуется. Чувство восхищения французской культурой сменяется у русского путешественника чувством сострадания. Он покидает Францию, обещая вернуться тогда, «когда французы станут иными» (т. 10, стр. 131).

Можно предположить, что образ представителя русской культуры, изображенный в памфлете «Русский в Париже», складывался в сознании Вольтера под заметным воздействием тех рассказов о Ломоносове, которые приходилось слышать французскому писателю от его русских знакомых. Судить об этом позволяет небольшое предисловие Вольтера к памфлету, в котором дана краткая характеристика Ивана Алетова, воображаемого автора произведения, образ которого служил дополнением к образу русского путешественника.

«Всему миру известно, — сообщал здесь Вольтер, — что г. Алетов изучал французский язык в Архангельске, откуда он родом, занимался художественной литературой с невероятным рвением и достиг в этом еще более невероятных успехов: его труды разрушили его здоровье. Он легко возбуждался, как и

Гораций *«был» irasci celer.*²⁰ Он никогда не прощал авторам, наводившим скуку» (т. 10, стр. 119).

Возникновение русской темы в художественном творчестве Вольтера не являлось чем-то неожиданным. В связи с Семилетней войной русская тема нашла самый широкий отклик во всех европейских странах. Характерно, однако, что Вольтера заинтересовала в данном случае не русская тема вообще, а тема русского мыслителя и писателя. Если замыслу Вольтера хоть в какой-либо мере соответствовала реальность, то она, несомненно, была связана с личностью и образом Ломоносова. И место рождения, и упорство в преодолении трудностей, и принципиальность изображенного Вольтером русского писателя вполне совпадают с теми сведениями о Ломоносове, которые в то время уже начали проникать в западноевропейскую печать.

Вольтер, разумеется, не ставил перед собой цели добиться портретного сходства образа Ивана Алетова с Ломоносовым, поскольку главной задачей памфлета «Русский в Париже» была борьба с клерикальной реакцией во Франции. Вместе с тем, создавая образ положительного героя, представителя самобытной русской культуры, Вольтер едва ли мог не вспомнить оригинальную фигуру выдающегося русского писателя и ученого — Ломоносова. Вольтер хорошо понимал, что Ломоносов — самое выдающееся явление русской культуры своего времени, тогда как Шувалов, Воронцов, Салтыков и другие, которыми Вольтер не переставал восхищаться, при всех их достоинствах — явления второстепенные.

И вместе с тем великий французский просветитель не мог быть доволен «вмешательством» Ломоносова в работу над «Историей Российской империи при Петре Великом». Вольтеру казалось, что критика петербургских ученых помешает своевременному и успешному завершению его труда.

В апреле 1760 года, как уже указывалось выше, Вольтер отправил в Петербург на одобрение первый том своего труда. В ожидании замечаний на него из Петербурга, 9 августа 1760 года Вольтер писал к де Мэрану: «Я совсем не хотел выпускать в свет этот том, не выставив его предварительно на критику ученых из Архангельска и Камчатки» (т. 40, стр. 498). В этих словах отразилась, на мой взгляд, тревога Вольтера в связи с ожидаемыми им критическими замечаниями Ломоносова и Миллера на «Историю Российской империи при Петре Великом». Ответ из Петербурга был получен Вольтером только в начале 1761 года. Замечания Ломоносова, как и замечания

²⁰ Вспыльчив

Миллера и Тауберта, носили весьма серьезный характер.²¹ Петербургские критики обнаружили в книге Вольтера большое количество уязвимых мест, и это обстоятельство не могло не встревожить автора, подтверждением чего является его письмо к И. И. Шувалову от 11 июня 1761 года. Вольтер отвечал раздраженно и, отказываясь от последовательного рассмотрения полученных замечаний, переходил к критике присылаемых Шуваловым материалов, ставя под сомнение их научную ценность. С особой силой нападал Вольтер на полученное им накануне из Петербурга «*Abrégé des recherches de l'antiquité des Russes, tiré de l'Histoire étendue à laquelle on travaille*». Достаточно сравнить только это приведенное Вольтером название с названием первой части «Краткого российского летописца» Ломоносова («Показание российской древности, сокращенное из сочиняющейся пространной истории»), чтобы убедиться в том, что именно этот труд Ломоносова и имел в виду Вольтер в упомянутом письме. Впрочем, в этом нас убеждает не одно только сличение названий, но также и сравнение содержания «Показания российской древности» Ломоносова с тем его выборочным и несколько искаженным изложением, которое дано в письме Вольтера:

«Эта странная записка начинается рассказом о том, „что древность славян простирается до Троянской войны и что король их Полимен ездил с Антенором на край Адриатического моря и т. д.“. Подобным образом у нас писали историю лет тысячу тому назад; подобным образом через Гектора выводили наше происхождение от Франкуса, и, по-видимому, из-за этого хотят восстать против моего предисловия, в котором я указываю, как следует думать об этих жалких вымыслах. У вас, милостивый государь, слишком много вкуса, слишком много разума и ясности мысли, чтобы в столь просвещенный век допустить, чтобы такие смешные примеры выставлялись бы в виде образца.

«Я подозреваю, что тот же самый немец²² является сочинителем и этой записки, ибо я вижу, как в ней *Ivonovitz, Basilovitz* написаны следующим образом: *Wanovitsch, Wassiliewitsch*. Я пожелал бы этому человеку побольше рассудка и поменьше согласных< . . >.

«Поверьте мне, милостивый государь, и держитесь вы Петра Великого. Я отдаю на ваше усмотрение наших Шильперика,

²¹ См.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 359—364.

²² В опущенной части цитируемого письма Вольтер подвергал критике полученные из Петербурга замечания на первый том его «Истории России», одним из авторов которых был Г. Ф. Миллер.

Шильдерика, Сижеберта, Кариберта и равняюсь на Людовика XIV.

«Если вы, ваше сиятельство, думаете так же, как я, то покорнейше прошу известить меня об этом» (т. 41, стр. 319—320).

По счастливой случайности до нас дошел черновик ответного письма Шувалова к Вольтеру, из которого мы узнаем, что всеильный русский вельможа поспешил успокоить своего знаменитого и взыскательного корреспондента. Не называя имен ни авторов «Замечаний», ни автора «Показания», Шувалов признал справедливыми требованиями Вольтера.²³

Вряд ли есть необходимость отводить от Ломоносова обвинения в том, что он в своей истории слепо следовал мифам и народным преданиям. Еще в своих «Замечаниях на диссертацию Миллера» (1749) Ломоносов писал: «Правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках».²⁴ Об «известиях невероятных»²⁵ летописного предания говорил Ломоносов и в «Показании российской древности», французский перевод которого читал и подвергал критике Вольтер. Однако в том же «Показании» Ломоносов приводил пример того, какой реальный смысл могли содержать отдельные «баснословные» предания.

Ломоносов-историк относился с большим уважением к национальным летописным преданиям, хотя, как мы видели, и отдавал себе отчет в том, что истина в последних нередко смешивается в вымысел. Ломоносов дорожил при этом не вымыслом как таковым, а тем реальным зерном, которое они могли в себе содержать.

Впрочем, искренность Вольтера там, где он критикует «устаревшие» методы исторического исследования Ломоносова, крайне сомнительна.

Среди многочисленных материалов, которые начиная с 1757 года И. И. Шувалов посылал Вольтеру, многие были сделаны наспех, содержали в себе непроверенные сведения, ошибочные взгляды, несостоятельные гипотезы. Тем не менее Вольтер никогда не подвергал названные материалы критике, так как ему предоставлялась полная свобода в характере и степени их использования. В критике, направленной на «Пока-

²³ Н. Платонова. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом». «Литературное наследство», т. 33—34, 1939, стр. 19—20.

²⁴ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 20.

²⁵ Там же, стр. 296.

зания российской древности» Ломоносова, нашли отражения не столько убеждения Вольтера, сколько его раздражение, угнетенное состояние духа. Замечания петербургских критиков на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» были расценены Вольтером как стремление поколебать его авторитет как историка, и отсюда возникает у Вольтера желание нанести удар по авторам или основному автору «Замечаний». Указание Вольтера в его письме к Шувалову от 11 июня 1761 года на то, что якобы он воюет с немцами, засевшими в Петербургской академии наук, на мой взгляд, нельзя принимать всерьез; оно сделано из предосторожности, чтобы не оскорбить чувства национальной чести И. И. Шувалова. Вольтер не мог не знать, что над пространной историей России, отрывок из которой он подвергал столь суровой критике, в течение ряда лет трудился Ломоносов.

В работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» Вольтер обнаружил огромную силу исторического мышления, незаурядные качества историка, разделяющего передовые идеи эпохи. Поставленная Вольтером задача — написать историю Петра I не как биографию выдающейся исторической личности, а как экономическую и культурную историю целого народа, была новаторской и смелой.

Принадлежавшая Ломоносову концепция истории Петра I остается для нас не известной, и трудно поэтому посредством сравнения на конкретных примерах дать оценку преимуществ и недостатков исторических взглядов Вольтера, с одной стороны, и Ломоносова — с другой. Сильные и слабые стороны исторической концепции Ломоносова в достаточной мере освещены советской наукой.²⁶

Как бы ни было, однако, значительно воздействие старой, «описательной» традиции на концепцию автора «Древней российской истории» Ломоносов-историк обнаружил ряд важных достоинств не только в своих общих воззрениях (проблема происхождения славянства и русского народа, проблема периодизации истории России и т. д.), но и при рассмотрении конкретных явлений русского исторического процесса.

Одно из достоинств исторической концепции Ломоносова обнаружилось и в его полемике с Вольтером-историком. Ломоносов воспринимал русский исторический процесс в его целостности. Деятельность Петра I была для него логическим

²⁶ См.: Б. Греков. Ломоносов-историк. «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 18—34; К. Пономарева. У истоков русской исторической науки «Исторический журнал», 1940, № 4—5, стр. 85—92.

завершением многовековой истории Русского государства. Исходя из этого взгляда, Ломоносов и в цитированном выше письме 1757 года к Шувалову, и в замечаниях своих на «Историю Российской империи при Петре Великом» Вольтера настаивал на необходимости ввести в последнюю не только материалы по предшествующим царствованиям, но и представить в ней даже краткий очерк древней русской истории.

Эта точка зрения, как известно, вызывала неоднократные возражения Вольтера, считавшего излишним заходить в глубокую «варварскую древность». Собственный взгляд на этот вопрос Вольтер изложил довольно обстоятельно в цитированном выше письме к И. И. Шувалову. Заметим тут же, что эта точка зрения разделялась не только Вольтером, но и большинством французских просветителей. Не случайно Дени Дидро, познакомившись в конце 70-х годов XVIII века с «Древней российской историей» Ломоносова и отдавая должное «большим разысканиям» автора, писал: «Что бы ни говорили Жан Жак Руссо и фанатические враги прогресса человеческого духа, трудно читать историю о веках варварства какого бы то ни было народа, не радуясь тому, что ты рожден в просвещенный век и среди цивилизованного народа».²⁷ Яркую характеристику этой слабости в идеологии западноевропейских буржуазных просветителей мы находим у Энгельса: «Все существовавшие дотоле государственные и общественные порядки, все унаследованные от прошлого воззрения были отвергнуты как неразумные и свалены в одну кучу. Мир в течение прошедших веков руководился нелепыми предрассудками; лишь теперь его озарил яркий свет разума, и все прошлое заслуживало лишь сострадания и презрения».²⁸

Исторические взгляды Ломоносова испытали на себе воздействие просветительской идеологии. Тем не менее отмеченную Ф. Энгельсом ограниченность исторических взглядов просветителей, которая целиком приложима к Вольтеру, нельзя применить к Ломоносову. Как это, так и другие достоинства исторической концепции Ломоносова, не говоря уже о его поистине обширных познаниях в области русской истории, не были правильно оценены Вольтером.

²⁷ Oeuvres complètes de Diderot, t. 17, Ed. de I. Assezat et M. Tourneux, Paris, 1876, стр. 495—496.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, М—Л., 1931, стр. 357.

Мы не говорим здесь, наконец, о том, что отзыв Вольтера о «Показании российской древности» был оскорбительным по своей форме. Коллектив петербургских ученых, занятый подготовкой материалов для Вольтера, во многих случаях снабжал его не сырыми только материалами, не статистическими выкладками, а вполне законченными историческими очерками, результатами напряженной творческой научной работы. Названный коллектив по справедливости мог претендовать на соавторство с Вольтером. И в форме взаимоотношений Вольтера с петербургскими учеными (через «покровительственное» посредничество Шувалова) и в характере и форме использования Вольтером петербургских материалов нашла своеобразное отражение существовавшая в то время культурная зависимость России от западноевропейских государств.

Пренебрежительно-высокомерный отзыв Вольтера об извлечении из «Краткого российского летописца», несомненно, стал известен Ломоносову. Как реагировал Ломоносов на резкий и несправедливый отзыв Вольтера, остается неизвестным. Не будет, однако, ошибкой утверждение, что, по ознакомлении с грубой выходкой Вольтера, Ломоносов не мог более продолжать подготовку материалов для его труда. И действительно, у нас нет решительно никаких данных об участии Ломоносова во втором томе «Истории России» Вольтера, вышедшем в свет в 1763 году. Изучение фактов, связанных с отношением Ломоносова к написанию Вольтером «Истории Российской империи при Петре Великом» помогает, как мне кажется, понять ту крайне непримиримую позицию, которую спустя некоторое время занял он по отношению к Шлецеру и его попытке воспользоваться материалами русских архивов для своих исторических занятий. Заявляя о том, что русские архивные материалы, попав в руки Шлецеру, будут преданы «вечному забвению»,²⁹ Ломоносов, несомненно, учитывал печальный опыт своих «общений» с Вольтером. Из этого опыта великий русский просветитель вынес твердое убеждение в том, что история России должна быть написана не иностранцами, изучающими незнакомую им страну из своего «прекрасного далека», а хорошо знающими как прошлое, так и настоящее русского народа, отечественными историками.

²⁹ П. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 703—704. См. также: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. IX, М.—Л., 1955, стр. 416—423, 427—434.

Письмо И. И. Шувалова к Вольтеру от 19 ноября 1760 года
(русский перевод с французского оригинала)

Милостивый государь!

Я сейчас только получил письмо, которым вы меня почтили 27 сентября. Если бы вы только знали, какое удовольствие доставляет мне получение ваших известий, вы бы не жалели о времени, потраченном вами на письма ко мне. Письмо графа Головкина, о котором вы сооблаговолили мне сообщить, мною получено, но экземпляра вашего труда все еще нет. Я всегда вспоминаю, милостивый государь, ваши слова о том, что, к несчастью, отсюда до Женевы слишком большое расстояние. Я теряю от этого много во всех отношениях.

Я в такой же мере удивлен, как и возмущен тем, что г. Пушкин не прибыл к вам. Он был срочно послан мною, и у него нет никакого другого дела, которое могло бы его задержать в его путешествии. Бумаги, которые я с ним отправил, приводят меня в смущение. Уже порядочное время прошло с тех пор, как я имел известие, что он прибыл в Вену; и после этого я не слыхал о нем ничего более.

Нет ничего более странного, милостивый государь, и более фантастического, конечно, как анекдоты, касающиеся принцессы, жены царевича. Ложь всех этих подробностей слишком очевидна, чтобы удостаивать ее какими-либо опровержениями. Я удовлетворюсь тем, что сообщу вам, что названная принцесса умерла в Петербурге в 1715 году. Она была любима и уважаема императором, особенно императрицей, которая во время ее болезни почти не покидала изголовья ее ложа. Ее приветливый характер и ее ум возбудили к ней всеобщую привязанность. У меня есть копия ее завещания и несколько ее писем, которые я мог бы сообщить вам, если бы я знал, что это могло бы быть для вас в какой-либо мере полезно.

Небольшие подробности, рассказанные мне г. Салтыковым об очаровании беседы с вами, заставляет меня завидовать ему. Я весьма рад, однако, узнать, что он делает успехи в своих занятиях: он не упустит возможности под вашим покровительством сделать когда-нибудь честь своему отечеству.

Я имею честь послать вам, милостивый государь, копии двух писем, оригиналы которых разысканы мною в архивах. Они весьма интересны, тем более потому, что принадлежат монарху, столь знаменитому своими добродетелями, сколь же и славному теми преобразованиями, осуществление которых в результате *<I нрзб>* исхода битв выпало на его долю.

Я побеспокою вас еще, милостивый государь, по поводу стихов под портретом Петра Великого. Гравировальная доска уже изготовлена. Она сделана одним молодым человеком, моим соотечественником, учеником Академии, которая находится под моим управлением. Портрет должен быть помещен в начале вашего сочинения.

С чувством уважения и признательности,

милостивый государь,

Ваш нижайший и покорнейший слуга

И. Шувалов.

С.-Петербург,
19 ноября 1760 г.